

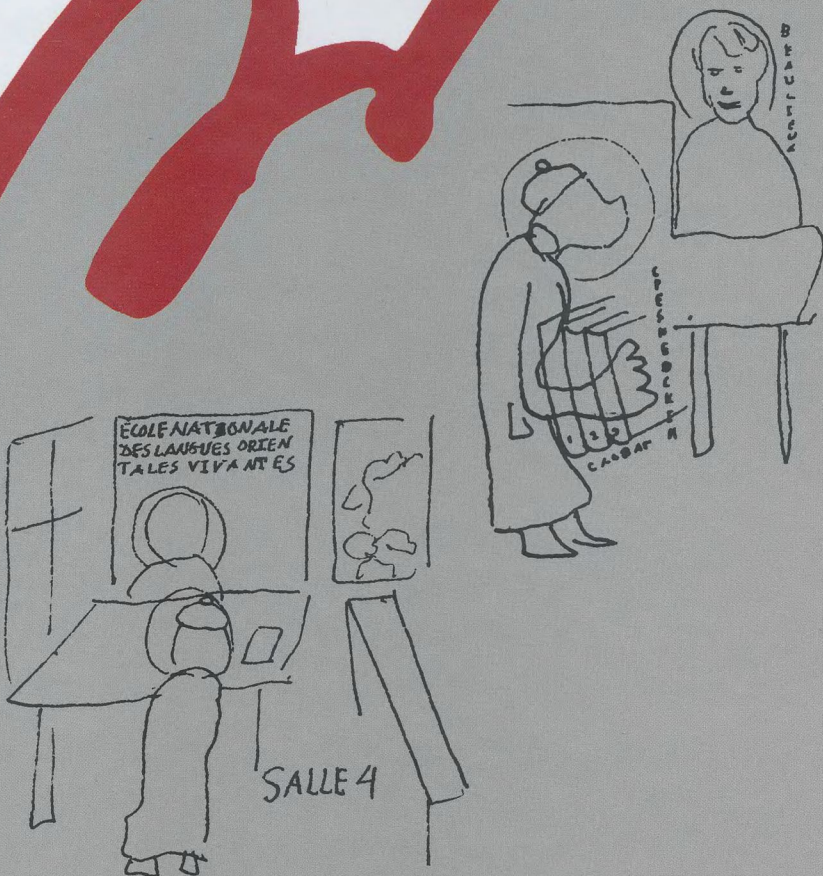
РОССИЯ  
В ПИСЬМЕНАХ

А. М. РЕМИЗОВ

А. М. РЕМИЗОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

РОССИЯ  
В ПИСЬМЕНАХ





А. М. Ремизов. Фотография (Италия, 1914). —  
ИРЛИ РАН. Публикуется впервые

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. М. РЕМИЗОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ



РОССИЯ  
В ПИСЬМЕНАХ

Росток

Санкт-Петербург  
2017

УДК 821.161.1-32-34  
ББК 84.3(2Рос=Рус)1  
Р38

*Издание выпущено при поддержке  
Комитета по печати и взаимодействию  
со средствами массовой информации Санкт-Петербурга  
Издание Санкт-Петербургской общественной организации  
«Союз писателей Санкт-Петербурга»*

Редакционная коллегия:

*А. М. Грачева (главный редактор), А. Д'Амелия, А. В. Лавров,  
Е. Р. Обатнина, О. П. Раевская-Хьюз, Н. Н. Скатов, Т. С. Царькова*

Издание подготовлено при содействии  
*Е. Д. Резникова, А. Д. Резникова*

Подготовка текста «Три серпа. Том I и II», комментарии *В. Н. Быстрова*

Подготовка текстов «Россия в письменах. Том I», «Пляшущий демон»,  
комментарии; подготовка текста, преамбула «Россия в письменах. Том II»  
(«Живая жизнь», «Купчая», «Сговорная», «Россия», «Расея»); «Северные  
Афины», статья *А. М. Грачевой*

Подготовка текста «Россия в письменах. Том II» («Круг жизни», «Разорение,  
общественно случившееся», «Жичливая жена», «Смоленщина», «Философов»,  
«Парижский клад», «Россия», «Путь чист», «Повольная торговля») *О. А. Линдеберг*

Научный редактор тома *А. М. Грачева*

**Ремизов А.**

**Р38** Россия в письменах. Собрание сочинений. Т. 13. — СПб.: ООО  
«Издательство «Росток», 2017. — 928 с.

Книга «Россия в письменах» (13 том Собрания сочинений А. М. Ремизова) включает в себя созданные в годы эмиграции и не переиздававшиеся с тех пор произведения экспериментальных жанров («Россия в письменах. Том I», «Три серпа. Том I и II», «Пляшущий демон»). В них сквозь призму старинных грамот, сказаний, легенд предстает калейдоскоп событий русской истории XI–XX вв.: строительство храма Св. Софии; поджог типографии Ивана Федорова; театральные эксперименты петербургских символистов; катаклизмы революции 1917 г.; блистательные премьеры Сержа Лифаря в парижской Оперá и мн. др. Также впервые публикуется оставшийся в рукописи второй том «России в письменах».

ISBN 978-5-94668-159-9

ISBN 978-5-94668-212-1 (т. 13)



9 785946 682121

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2017
- © ООО «Издательство «Росток», 2017
- © Быстров В. Н., подготовка текста, комментарии, 2017
- © Грачева А. М., подготовка текста, комментарии, статья, 2017
- © Линдеберг О. А., подготовка текста, 2017

---

## «Я, ПОСЛЕДНИЙ КНИГОПИСЕЦ...»:

Россия сквозь грани письмен  
Алексея Ремизова

Ранние прозаические произведения Алексея Ремизова были ориентированы на стиль европейского символизма. Наиболее сильным было влияние на молодого писателя творческой манеры Ст. Шишывского и М. Метерлинка. В годы вологодской ссылки, при посредстве П. Е. Щеголева, Ремизов открыл для себя мир древнерусских апокрифов. Это было знакомство с печатными текстами памятников, опубликованных медиевистами. Отреченные сказания, известные и даже знаменитые в узкой научной среде, но неведомые обычному читателю, были восприняты Ремизовым как источник новых сюжетов художественной прозы. Однако в это время он не ставил перед собой специальной задачи усвоения их языковых особенностей для формирования своего литературного стиля. Ремизовский сборник «Лимонарь» (1907), во многом, был произведением, стилистически родственным творениям русских символистов. Возможно, именно в связи с этим, когда в 1908 г. «Лимонарь» вместе с книгой «Посолонь», по предложению академика А. А. Шахматова, был предложен автором на соискание Пушкинской премии Императорской Академии наук, сборник был отвергнут рецензентом — почетным академиком Д. Н. Овсяннико-Куликовским, негативно относившимся к новейшим течениям в литературе. В своем отзыве мэтр с полемическим пылом отмечал: «Кому это нужно? Кому это может быть интересно? О художественности и поэтичности тут не может быть речи. Тут одна лишь так называемая “стилизация”, в результате которой получается неприятная смесь простонародности с модернизмом. <...> “Лимонарь сиречь Луг Духовный” представляет собой опыт подобной же “стилизации” ста-

ринных мистерий (“вертеп”), и сказаний апокрифического характера. Изложены эти темы манерно и запутано»<sup>1</sup>.

Следующий значительный этап в формировании стилевой индивидуальности Ремизова связан с 1910—1912 гг. — временем обучения жены писателя — выпускницы словесно-исторического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов С. П. Ремизовой-Довгелло в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте. Он был учрежден для лиц с высшим образованием с целью подготовки «специалистов по русской старине, для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных»<sup>2</sup>. С. П. Ремизова выбрала своей специальностью «русскую палеографию» и была ученицей профессора И. А. Шляпкина. Изучение избранного ею предмета подразумевало: «1) Знакомство с вопросом о возникновении славянской письменности и распространении ее в разных славянских землях, равно и с вопросом о происхождении славянских букв. 2) Умение бегло читать уставные и полууставные почерки и разбирать глаголические тексты. 3) Умение переводить нетрудные тексты на древнеславянских наречиях. 4) Знакомство с церковнославянской грамматикой, насколько это необходимо, как для точного понимания текстов, так и для уяснения отличительных особенностей орфографии (языка) древних памятников собственно церковнославянских, сербских, среднеболгарских и русских. 5) Знакомство с древнейшими типами кириллицы и их изменениями в последующие эпохи у разных славян (до XV в.). 6) Знакомство с важнейшими типами глаголического письма. 7) Умение на основании данных языка и особенностей письма определять эпоху и место написания рукописей»<sup>3</sup>. Занятия С. П. Ремизовой-Довгелло шли в русле литературных интересов Ремизова, который фактиче-

<sup>1</sup> СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 86. Подробнее см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской Академии наук // *РЛ*. 2014. № 3. С. 185—196.

<sup>2</sup> Об открытии в С.-Петербурге Археологического института. СПб., 1877. С. 12.

<sup>3</sup> Экзаменационные требования гг. профессоров к слушателям Императорского С.-Петербургского Археологического Института с указанием пособий для подготовки к экзаменам. СПб., 1907. С. 4.

ски вместе с ней проходил обучение по специальности «русская палеография».

В созданном после смерти Серафимы Павловны, в 1945—1948 гг. многотомном рукописном мемориале ее памяти Ремизов воспроизвел и прокомментировал ее институтский диплом:

«АТТЕСТАТ

Императорского Археологического Института

14 V 1912

Императорский Спб. Археологический Институт удостоверяет, что *Серафима Павловна Ремизова*<sup>1</sup>, поступив в 1909 году в число слушателей Императорского Археологического Института, выслушав курс наук: первобытную и христианскую археологию, юридические древности, славяно-русскую палеографию, историческую географию и этнографию России, нумизматику, дипломатику, архивоведение и археографию и по испытании в названных науках признан <sic! — А. Г.> достойным звания действительного члена Императорского Археологического Института, в удостоверение чего дан этот аттестат за надлежащими подписями и с приложением печати Института. С. Петербург 1912 года, мая 14-го дня.

Директор Императорского Археологического Института Н. Покровский

Члены Совета Института: Н. Каринский, Н. Веселовский, Н. Лихачев, Вал. Майков, И. Шляпкин, С. Гольдштейн, С. Середонин, С. Платонов, А. Марков.

Секретарь Института С. Розанов

№ 154

(Рисовал Слуш<атель> II Курса П. Красновский [— Ну и дурак! — А. Р.]<sup>2</sup>)”

(Душой Института, он же и создатель, был Николай Васильевич Покровский. На Пасхальную заутреню мы бывали в Александро-Невской Лавре в Академической церкви и там всегда подходили к Покровскому похристосоваться: он сиял весь от умиления. А помер в Революцию, в самом начале.

---

<sup>1</sup> Фамилия, имя, отчество выпускника списаны в универсальный каллиграфический текст Аттестата.

<sup>2</sup> В квадратных скобках комментарий Ремизова к тексту в круглых скобках.

Однажды я видел Николая Павловича Лихачева, не помню где, он мне показался таким крепким, как гвоздь-костыль. Николай Михайловича Середонина раз встретили на музыке в Павловском вокзале, С. П. меня познакомила с ним, на нем было пальто с оборванной пуговицей, совсем не был похож на профессора, а скорее под конторщика в будний день.

Между прочим, С. П. рассказывала, как надо быть осторожным на экзамене: древности — спорный предмет: напр<имер>, тьмутараканский камень — Шляпкин утверждает, что подделка, а Каринский, что камень — подлинный. Надо это иметь в виду, чтобы не ляпнуть Каринскому Шляпкина и наоборот.

Для изучения палеографии С. П. пользовалась двумя книгами: Соболевским и Карским. И потом в Ecole des langues orientales в Париже она будет пользоваться ими для своих лекций.

Алексей Иванович Соболевский  
1856—1929

А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Лекции. СПб., 1908. Изд. 2

Пока здесь, в Париже, достала С. П. себе эти лекции, ей пришлось переписать всю книгу. Рукопись ее храню: мало ли, пропадут все книги, а рукопись останется, кому она нужна, разве огню.

Евфимий Федорович Карский  
1860—1931

Е. Ф. Карский. Палеография.  
Е. Ф. Карский. Образцы славянского кириллического письма X—XVIII в., Вар<шава>. 1902. Изд. 2»<sup>1</sup>.

Еще в середине 1910-х гг. писатель указывал, что именно супруга была его главным учителем в области чтения древнерусских рукописей: «Премудростям палеографическим, чтению и письму глаголическому, виноградной вязи, юсам и аористам научила меня ученица покойного профессора Илии Александровича Шляпкина Серафима Павловна Ремизова-Довгелло,

---

<sup>1</sup> Дневниковые и прочие записи Ремизовой-Довгелло Серафимы Павловны, прокомментированные и переписанные Ремизовым в одну общую тетрадь в апреле 1945 г. Книга III // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 289. Л. 36—37.



действительный член Санкт-Петербургского археологического института»<sup>1</sup>. Для Ремизова его «заочные» занятия имели ряд значимых следствий.

Как каллиграф, он получил возможность изучить и впоследствии использовать все многообразие древнерусских типов письма. Как художник, Ремизов аккумулировал в свои рисунки некоторые принципы древнерусской миниатюры и иконописи. Знание глаголической азбуки дало ему возможность овладеть своего рода «тайнописью», что добавляло в его облик новые грани столь излюбленной в эпоху Серебряного века неординарности, принадлежности к ордену «избранных».

Во время учения Серафимы Павловны Ремизов познакомился с рядом людей, оказавших серьезное влияние на дальнейшее развитие его интереса к старорусским древностям. Это, прежде всего, был ее наставник — известный ученый-медиевист и собиратель древностей И. А. Шляпкин. Знакомство и контакты с ним существенно дополнили «заочное» палеографическое образование Ремизова. Примечательно, что еще в самом начале их знакомства Шляпкин стал прототипом героя ремизовского рассказа «Глаголица» (1911)<sup>2</sup>. В эти же годы, через посредство М. М. Пришвина, писатель познакомился и подружился с еще одним учеником Археологического института — юристом по первому образованию, архивистом, знатоком и коллекционером древностей И. А. Рязановским<sup>3</sup>.

Но главным результатом полученного образования для Ремизова-писателя была открывшаяся возможность *чтения и многоплановой художественной аккомодации рукописей*, в первую очередь, древнерусских, но также относящихся и к последующим векам развития русской истории. Отныне в своей литературной работе, в частности, в выборе источников, он не был ограничен рамками только опубликованных материалов. Литератор получил в свои руки «ключ», с помощью которого он мог отворять врата, отделяющие современность от истории, поднимать завесу и читать записанные (а, значит, способные вновь

---

<sup>1</sup> Ремизов А. Россия в письменах. Т. I. М.; Берлин, 1922. С. 14. Далее цитируется в тексте *Россия в письменах* с указанием тома и страницы.

<sup>2</sup> Ремизов А. Глаголица // Речь. 1911. 25 дек. № 354. С. 2—3.

<sup>3</sup> См. подробнее о контактах Ремизова и Рязановского: *Зга-Росток XI*. С. 612—617.

завучать) голоса живших в былые эпохи. Ремизов начал воспринимать опубликованные и рукописные письменные памятники не только как источники сюжетов, но и как «звучащую историю», состоящую из призывов, молений, шепотов или криков давно ушедших людей, при помощи писателя переставших «немотствовать». Их речь, зазвучавшая со страниц сохранившихся документов, стала неистощимым фундаментом для обогащения языка писателя и формирования его литературного стиля. Возможно, именно отсюда проистекает установка ремизовских произведений на сказовое многоголосье — полифонию текста.

В это время у Ремизова возник замысел начать работу по созданию произведений новаторской художественной структуры. В них авторский текст монтажно соединялся с публикуемым текстом-источником, который относился к тому или иному виду документальной (эпистолярной, деловой) прозы или, наконец, был просто надписью на том или ином объекте материальной культуры.

Летом (9—31 июля) 1912 г.<sup>1</sup> Ремизов гостил в с. Бобровка Тверской губернии, в имении А. А. Рачинской, где он не только работал над повестью «Пятая язва», но и интенсивно копировал письма из обширного семейного архива Рачинских. Значительная архивная база, которая в результате оказалась в распоряжении писателя, была дополнена той информационной и эмоциональной поддержкой, которую Ремизов получил во время недельного пребывания в гостях у И. А. Рязановского (10—20 августа<sup>2</sup>). Позднее он вспоминал: «За неделю среди книжных сокровищ я не то что выкупался, а прямо сказать, выварился в книгах. В эти незабываемые дни не могло быть и речи заснуть. Сам бессонный хозяин подымал меня ни свет, ни заря, да и посередине ночи, вдруг вспомнив о каком-нибудь замечательном первом издании или рукописной, мне очень полезной книге, он входил ко мне со свечой по-ночному в халате <...> Уткнувшись в книгу и уже забыв обо мне, он вычитывал восхищавшие его строки или, оглядывая книгу через двойные очки,

<sup>1</sup> См.: Ремизов А. М. Адреса его и маршруты поездок // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. З. Л. 15.

<sup>2</sup> Там же.

принимался рассказывать историю ее, припоминая мелочи покупки и о собственнике-предшественнике и тоже книжнике. За семь дней и семь ночей я узнал о книге не как о библиотечном явлении, но о книге в ее сущности, о книге в “себе самой”, и понял, что такое книжник в царстве своих книг. Ведь не будь Александры Петровны <жены Рязановского. — А. Г.>, он и о еде не вспомнил бы, да и я просидел бы голодом. Только мне было все равно: я сам весь был в книге» (*Иверень-РК VIII*. С. 133).

Начав публиковать тексты новаторского жанра (их очень условно можно называть «рассказами»), Ремизов изначально манифестировал, что это части задуманного целого (цикла, книги)<sup>1</sup>. Первые четыре публикации из подборки, озаглавленной «Россия в письмах» («Паришъ въ рукахъ нашихъ!», «Шшшачки», «Жичливая жена», «Книжечка рукописная») вышли из печати в 1913 г. После начала Первой мировой войны состав источников задуманного труда изменился. Кроме документов былых времен, Ремизов стал включать в «Россию в письмах» рассказы, основанные на современных текстах, в частности, на солдатских письмах. Это были ускользящие «мелочи» повседневности, которые мгновенно становились достоянием истории (см., например, рассказ «Россия в письмах: «Фомилия не надо»)<sup>2</sup>.

Ремизовские намерения издать книгу «Россия в письмах» на рубеже 1916—1917 гг. окончились неудачей<sup>3</sup>. При отсутствии сохранившихся архивных материалов сложно говорить о том, что конкретно представляла собой «Россия в письмах», подготовленная к изданию в конце 1916 г. Однако анализ текстов, которые по времени своего создания могли быть в нее включены, позволяет сделать некоторые предположения.

В книгу конца 1916 г. входили бы тексты, дававшие возможность вспомнить знаменитые события, связанные, к примеру, со славой русского оружия (взятие русскими войсками Парижа в 1814 г. или Очакова — в 1788 г.), события, увиденные глазами

<sup>1</sup> См.: *Edward Manouelian*. From Pis'ma to Pis'mena: Ideological and Journalistic Contexts of Remizov's Documentary Project // *The Russian Review*. 1996. January. Vol. 55. P. 1—20.

<sup>2</sup> *Отечество*. 1914. № 7. С. 126—128.

<sup>3</sup> О попытках издания книги подробнее см. с. 754—757 наст. тома.

их рядовых участников, чьи имена не упоминались в исторических сочинениях и справочниках. Также в составе книги должны были присутствовать тексты, восстанавливающие черты «истории повседневности», уцелевшей благодаря ее фиксации в семейной переписке, в разного рода деловых бумагах и в надписях на предметах бытового обихода.

Еще после Первой русской революции Ремизов пришел к убеждению, что только в результате «эволюции», а не «революции» Россия может продолжить движение по своему телеологически predetermined историческому пути. Замысел «России в письмах» как писательского проекта изначально заключался в том, чтобы предложить читателю своеобразную интеллектуальную «игру» (квест) — постараться самому сложить воедино публикуемые «обрывышки», «иверни» (осколки) документов разных эпох и на основе этой «мозаики» увидеть внутреннюю логику развития русской истории.

После краха попытки издать «Россию в письмах» в периодической печати революционных лет, главным образом, в левозероградской прессе, продолжали публиковаться рассказы под общим заголовком «Россия в письмах», а затем — «Россия в письменах». Вероятно, часть их была извлечена литератором из наборной рукописи так и не увидевшей свет книги, а другую часть составляли вновь написанные тексты. Но только в 1922 г., в Берлине, Ремизов смог выпустить книгу под названием, возникшим уже в годы революции, — «Россия в письменах».

В этой книге нашли отражение историософские взгляды писателя, пережившего разные этапы Второй русской революции, не только Февраль, но и Октябрь 1917 г., а также прошедшего испытание «Опытом», — так позднее былой студент-естественник называл годы «военного коммунизма».

Писатель не принял Февральскую революцию и Октябрьский переворот. В творчестве и публицистике тех лет он неоднократно проводил параллели между современностью и событиями русской Смуты начала XVII в. Началом новой «Смуты» он называл события марта 1917 г., Петроград именовал «Тышинским лагерем», лидера большевиков В. И. Ленина — «Болотниковым». На страницах книги 1922 г. представляла история России, чей исторический образ был дополнен ликом «взвихренной Руси».

Целый ряд текстов, публиковавшихся в 1913—1916 гг. под общим заголовком «Россия в письмах», в «Россию в письменах» включены не были. Также за рамками издания 1922 г. остались рассказы, основанные на документах периода Первой мировой войны. Подобная трансформация состава и структуры книги отражала изменившуюся авторскую концепцию.

Большая часть книги была составлена из рассказов, написанных в 1917—1918 гг. и тогда же опубликованных в антибольшевистской прессе. Их печатание прекратилось в начале 1919 г., после закрытия большевиками оппозиционных изданий. До этого момента ремизовские исторические миниатюры, казалось бы, далекие от современности, появлялись в газетах в едином контексте с сообщениями о расстрелах невинных заложников; об убийствах священников и поругании храмов; о разграблении усадеб и особняков, хранивших художественные коллекции; о нарастающем в стране голоде и ужасах Гражданской войны. Все это придавало рассказам о «пустяках» давней истории остроактуальный смысл, а также делало их своеобразной формой полемики с существующей властью.

По художественной структуре рассказы «России в письменах» можно разделить на несколько типов. Одни из них имеют изначально выработанную, достаточно жесткую композицию, в которой авторский текст (предисловие) предваряет, а иногда, если имеется еще и послесловие, то и замыкает публикуемый документ. К этой категории относятся как ранее опубликованные рассказы («Каменные пруды», «Очаков», «Грамотка», «Столбец», «Книжечка рукописная» и др.), так и созданные в годы революции («Печь», «Полиция», «Сундук», «Академия», «Цыфры» и др.). Если первые публикации текстов из задуманной литератором серии являли собой примеры по-академически бесстрастных изданий памятников прошлого, сопровождаемых беллетризованным комментарием, то тексты, созданные после 1917 г., имели имманентную соотнесенность с современностью. Таков, например, рассказ «Покорямая. Голодное». Его документальная основа — грамотка XVIII в., выданная начальством Троице-Сергиевой Лавры монастырскому крестьянину, чтобы тот мог легально уйти «подкормиться». Рассказ, напечатанный в апреле 1918 г., воспринимался читателями злободневно в контексте реалий тогдашней петроградской жизни:

царившего в бывшей имперской столице голода, поездок горожан в деревню «за хлебом», для легализации которых надо было иметь «мандат», подтверждающий свободу передвижения. В рассказе «Цыфры» (1918) публиковался отрывок из, казалось бы, допотопного нумерологического сочинения начала XIX в. «Нечто о рождении и о царствовании и о кончине Императора Александра Павловича...». Документ (и, одновременно, текст миниатюры) заканчивался фразой: «— Ужасная ночь —» (*Россия в письменах-I*. С. 195). «Проницательный читатель» легко мог мысленно сопоставить данную фразу об обстоятельствах смерти императора Александра Первом с событиями ночи с 16 на 17 июля 1918 г., когда свершилась судьба другого императора — Николая Второго. Возможно, подобная злободневность и способствовала тому, что рассказ «Цифры» был опубликован только в составе берлинской книги, т. е. уже за пределами Совдепии.

К другому типу относятся рассказы, в которых предисловие и послесловие перестают выполнять служебную функцию «обрамления» документа. В совокупности они образуют единый текст основного повествования, в которое публикуемый источник входит как вставной элемент. Так, в рассказе «Патерик» (1918) старинная книга — это, фактически, только повод для развития сюжета о старом дворцовом лакее Иване Петровиче. Воспоминания героя об императорах Александре Втором и Александре Третьем дают возможность опять-таки непосредственно соотнести события века минувшего и века нынешнего: «Царь Александр III <...> был царь, а все далеко до Александра II батюшки. Тот был царь настоящий и последний. Они знали, кого убить. <...> Какие ваши убеждения, не знаю, <...>, а только настоящего свергнуть нельзя. Убить можно» (*Россия в письменах-I*. С. 49).

И, наконец, в книгу включены несколько «классических» нарративов, имеющих фабулу и последовательно разворачивающийся сюжет («Львова печать», «Календарь», «Писмовник»).

В книге «Россия в письменах» рассказы с явно выраженной политической заостренной темой соединяются с теми, которые, на первый взгляд, предстают окрашенными ностальгическим флёром повествованиями об исторических «мелочах» (израз-

цах с надписями, дарованном ковше, замысловатом кресте и пр.). Однако в совокупности все тексты, формирующие монтажную художественную структуру книги, раскрывают магистральную авторскую идею о произошедшем историческом сломе, об отходе страны от пути ее естественного развития. Целостность и историософскую значимость книги хорошо почувствовал и выразил в своей рецензии на «Россию в письменах» один из помощников Ремизова в деле собирания «обрывышков» документов — Д. В. Философов: «Возвратимся к сборнику. Если выдержки из него печатались прежде как некий бытовой и литературный курьез, то теперь этот сборник получил совсем особое значение, особый смысл. / Точно вещее сердце <...> “обезьяньего царя” <...> предсказывало ему, что все скоро рухнет, что наступит пора, когда в апокалиптической “грозе и буре” все будет сметено. Сметена и “старая бумага” Ремизова, его игрушки, составлявшие как бы его музей. / “У меня же Писмовник в моей книжнице на верхней полке всегда перед глазами, а караулит его заяц”, — пишет Ремизов (стр. 160). / Караулит ли? Не пропали ли зайцы и белки А. М. Ремизова вместе с его писмовником? / Как бы то ни было, а книга осталась»<sup>1</sup>.

В годы революции Ремизов воспринимал происходящее в России в апокалипсическом контексте, как явления «последних времен» перед Страшным Судом, когда земля (Россия) оказалась во власти явленного антихриста. О такой трактовке происходящего свидетельствуют его публицистические «слова» (самое известное из них: «Слово о погибели Русской земли»), повесть «Странница», легенды и рассказы тех лет. В художественном языке Ремизова усиливается использование библейской лексики и стилистики.

К этому же периоду относится и смена заглавия книги. «Россия в письмах» стала «Россией в письменах». Возможно, именно в Библии писатель нашел источник ключевого слова нового названия своего произведения: «И послал во все области царя *письма, писанные в каждую область письменами ее и к каждому народу* на языке его, чтобы всякий муж был господином в доме своем, и *чтоб это было объявлено каждому на*

---

<sup>1</sup> Философов Д. Литературная хроника. Бытовая Россия // «За свободу!» (Варшава). 1922. 8 окт. № 275. С. 2.

*природном языке его* <курсив мой. — А. Г.>» (Есф 1: 22). В новой исторической ситуации «письма» обернулись «письменами», предъявляемыми как свидетельства против слуг антихриста, нарушивших ход российской истории и сделавших ее жителей жертвами проводимого над целой страной противоестественного «Опыта».

В «России в письменах» особенностью вводной части рассказов — авторских преамбул к публикуемым источникам — стало частое упоминание о том, что их владелец или тот, кто в свое время подарил писателю тот или иной документ, носит титул кавалера или даже князя Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (Обезвелволпала). Сравнение текстов произведений, опубликованных до 1917 г., с их вариантами в книге показало, что при формировании «России в письменах» 1922 г. Ремизов последовательно осуществлял правку дореволюционных текстов — вводил в них упоминание о включенности того или иного человека в систему табели о рангах Обезвелволпала. В произведениях же, созданных после 1917 г., подобное титулование присутствовало изначально.

Как установлено исследователями<sup>1</sup>, после Октябрьского переворота созданная в духе «жизнетворчества» эпохи Серебряного века и в значительной степени обращенная к детям «игра» Ремизова в Обезвелволпал — общество фантастических добрых обезьян — переросла в форму ненасильственного сопротивления режиму большевиков. Таким образом, тексты — «обрывышки» документов — свидетельств о прежней, исторически естественной жизни России, через посредника (Ремизова) «предъявляемые» их владельцами или дарителями, членами Обезвелволпала, уподоблялись таинственным и грозным письменам, обнаруженным на стене царем Валтасаром (Дан 5; 5—24), становились доказательствами незаконности происходящего в современной России.

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 95—96; *Грачева А. М.* Из комментария к «Взвихренной Руси» Алексея Ремизова (глава «Обезвелволпал») // *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes.* Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 368—376. (Stanford Slavic Studies. Vol. 32).



Среди присутствующих в книге реальных соратников и сомысленников Ремизова на первом месте стоит «Иван Александрович Рязановский — костромских деберей забеглый князь обезьяний, блудоборец комаровский, тележный и золотоношский, старец электрический» (*Россия в письменах-I*. С. 161). Именно он был постоянным консультантом, поставщиком документов и духовным вдохновителем писателя в процессе его работы над книгой. В 1910-е гг. Рязановский переселился из Костромы в Петербург. В устных беседах и дружеской переписке двух друзей неоднократно обсуждались темы, сюжеты для «*России в письмах*» (а потом и для «*России в письменах*»), перипетии ремизовских попыток издания отдельных рассказов, а потом и всей книги. Так, в письме Ремизову от 6 января 1916 г. И. А. Рязановский в шуточной форме сообщал о запрошенной для упоминания в книге дате своего рождения и о своих новых архивных находках для будущих рассказов: «Смиранный затворник родился в 1869 г. августа в 2 часа ночи, когда представился ... неизвестно. Я привез с собою из Костромы “Дружеские письма Астафьева и одно Козлова”, не будут ли они Вам нужны для “*России в письмах*”, которую Вы сейчас заняты? Там есть и рисунок, и портрет автора и получателя. Можно поискать и еще, может быть, и найдется...»<sup>1</sup> Именно с Рязановским Ремизов обсуждал все обстоятельства своей неудачной попытки опубликовать книгу при помощи издательского отдела Скобелевского Комитета<sup>2</sup>. Друг Ремизова был великолепным рассказчиком. Его устные истории, воспоминания о российской провинции в дальнейшем становились сюжетами ремизовских произведений. В начале 1917 г. юрист Рязановский поступил на службу в петроградскую тюрьму «Кресты». Там он нашел новый источник для своих исследований человеческой природы, которые в дальнейшем могли быть использованы его другом-писателем в своем творчестве. Об этом, например, он сообщал Ремизову в письме от 24 июня 1917 г.: «Много у меня накопилось для Вас материалов “сказов узных” и первый сказ будет “Иван Парфеныч Голубков и его обиталище”, “Регистраторша”, “Иван Исходящий” и другие. Все это продукты моих послед-

---

<sup>1</sup> Письма И. А. Рязановского А. М. Ремизову // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 17.

<sup>2</sup> См. подробнее с. 756–757 наст. тома.

них наблюдений. Много, очень много интересного, интересна и масса преступников. Вообще, если бы Вы и Серафима Павловна были здесь, то я много бы рассказал Вам интересного. <...> Следующий роман, который Вы будете писать, будет почти из тюремной жизни, это будет жизнь писца Ивана Парфеньча, маленького винтика во всей жизни, но незаметно создающего что-то, его дочери Александры Ивановны и т. д. Только возвращайтесь скорее, за сюжетами дела не станет, а то потухает и сохнет воображение. Тяжело. Тяжко. О политике лучше и не думать — так все гадко. <...> сейчас в свободную минуту хочется записать Вам <...> материалы, и потому кончаю письмо»<sup>1</sup>. Тесные контакты Ремизова и Рязановского продолжались и после Октябрьского переворота. Так, в письме от 28 июля 1918 г. Рязановский сообщал писателю: «Сегодня вырезал из “Нашего века” статью о Философовском сундуке (серия “Россия в письмах”) и убрал до Вашего возвращения»<sup>2</sup>. Целый ряд текстов «России в письменах» связан с именем Рязановского. Так, на воспоминании об эпизоде из его практики судебного пристава основан сюжет миниатюры «Часовник», на его устных повествованиях об истории своей семьи и предках его жены — рассказы «Календарь», «Львова печать». Во многих случаях он упоминается как владелец того или другого раритета, обыгранного в том или другом рассказе.

Но главная заслуга Рязановского в развитии индивидуальности Ремизова-писателя заключалась в том, что он утвердил литератора в стремлении преобразовать свой художественный язык (стиль) за счет использования неисчерпаемых словесных сокровищ, таящихся в «голосах прошлого», сохранившихся в деловых и бытовых документах прошлых веков, в древнерусских памятниках, в словарях устаревших слов; а в современности являющихся себя в различных формах «живого русского языка»: в народных говорах, городском просторечии, сленге, жаргоне. В дальнейшем этот постулат стал одним из краеугольных камней ремизовской «теории русского лада». Впоследствии Ремизов писал о роли друга в формировании своей стилиевой программы: «Значение изустного слова Рязановского в возрождении

<sup>1</sup> Письма И. А. Рязановского А. М. Ремизову // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 24—25.

<sup>2</sup> Там же. Л. 35 об.

“русской прозы” можно сравнить только с “наукой” <...> Вячеслава И. Иванова в возрождении “поэзии” у стихотворцев. <...> Рязановский наперекор Брюсову с его “парижской” культурой, Кузмину с его элегантною “прекрасною ясностью” и Сологубу с его шикарным “провинциализмом” <...> годами только о русском и рассказывал (повторяю, писать он не мог), расценивая слова на слух, на глаз и носом и восхищаясь своими русскими книгами от Киево-Печерского патерика до Новикова» (*Иверень-Русская книга VIII. С. 132*).

Кроме историософской, другой ведущей лейтмотивной темой книги стала тема «письмен» (письменной культуры) как особой формы метемпсихоза. При этом «воспроизведение» записанного кем-то осмыслялось литератором как некое сакральное действие, как способ духовного «воскрешения» писавшего и, одновременно, как воссоединение с единой душой народа, пребывающей в пространстве нематериального, и потому вечного мира. Ремизов отмечал: «Мало уметь грамоте, надо и еще кое-что, надо своею рукою обвести те письмена русские, какие в прошлом нашем начертались русскими людьми, чтобы поверстать свою душу с душой народной и идти вместе с народом по его исконным думам, — делать русское дело» (*Россия в письменах-I. С. 83*).

С «России в письменах» начинается проходящая через все последующее творчество Ремизова, лично маркированная тема памяти как припоминания душой своих былых воплощений, ушедших в пространство мировой культуры.

В середине 20-х гг. штудии писателя в области истории литературного стиля органично вошли в круг историко-филологических интересов евразийцев. В Париже он укрепил свои давние дружеские связи с одним из лидеров евразийства — музыковедом, философом, литературным критиком Петром Петровичем Сувчинским. Одним из итогов их контактов было активное участие писателя в создании журнала «Версты» (Париж, 1926—1928), выходившего под редакцией Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрона и «при ближайшей участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова».

Первый номер нового журнала открывала программная статья, в которой отмечалось: «В настоящее время — *русское* больше самой России; оно есть особое и наиболее острое выражение

*современности* <...> Что же касается попытки найти естественное сочетание наиболее живых и нужных тяготений русской современности, то, объединяя в одном издании русскую поэзию, беллетристику, литературную критику, библиографию и литературные материалы со статьями, посвященными вопросам философии, искусства, языкознания, русского краеведения и востоковедения, мы — как нам кажется — устанавливаем один из возможных обобщающих подходов к нынешней России и к *русскому*»<sup>1</sup>.

В журнале произведения писателей-эмигрантов (М. Цветаевой, А. Ремизова) были объединены с творениями литераторов, оставшихся на Родине (Б. Пастернака, С. Есенина, И. Сельвинского, И. Бабеля, А. Веселого). Также в номере были опубликованы записи народных частушек, статья Е. Трубецкого о «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, две философские статьи Федотова, статья Д. Святополк-Мирского «Поэты и Россия». Завершал журнал раздел «Материалы». Он представлял собой публикацию «Жития протопопа Аввакума» — текст, являющийся выполненным Ремизовым сводом трех редакций<sup>2</sup>. Как показал целостный анализ первого номера «Верст», вся его композиция была четко выстроена и жестко ориентирована на финал — публикацию «Жития» Аввакума.

Комплекс произведений, написанных для этого номера Ремизовым, также последовательно подготавливал читателя к концовке журнала — изданию текста памятника XVII в. Первой была публикация ремизовских рассказов из книги «Николай Чудотворец» (впоследствии: «Три серпа»). Ее предваряло авторское вступление, в котором была актуализирована преемственность национальной истории, закрепленной в языковом строе народной речи: «“Русь” Слова о полку Игореве — от русской земли, но какая преисподняя и никаких корешков с ивановской “Русией” — с русским Домостроем и Стоглавом — с Русией, завершившейся “Росией” (с одним “с”) — — Лесков, Розанов, а там, поперла вся зазеленелая “Рос-с-сія”. “Русь” —

<sup>1</sup> Версты (Париж). 1926. № 1. С. 5.

<sup>2</sup> О характере ремизовской редакции «Жития» см.: Розанов Ю. В. Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова // Евангельский текст в русской литературе XVII—XX веков. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 436—447.

археология (Китеж?), “Росия” — современно. “Росию” высказал Аввакум, грамоты и писцовые выписи: Аввакум — приговора на “о” (нижегородец да и протопоп!) с московским защелком (аллитерацией) медведчика-гудца (родной брат Даниила Заточника); грамоты — выпевая знаменным догматиком с окриком по “Уложению”; выписи — деловым кудрявым “столбцом”<sup>1</sup>.

В следующем, опубликованном в этом номере тексте, Ремизова — посвященной памяти В. В. Розанова статье «Воистину» — детально и последовательно развивалась тема преемственности линии литературного развития, начатой Аввакумом и в XX в. ярко продолженной Розановым. Для Ремизова огнепальный протопоп являлся основателем художественной прозы новой русской литературы, опирающейся на «природный» (т. е. разговорный) русский язык: «Жил в России протопоп Аввакум (Аввакум Петрович Петров, 1621—1681), жил он при царе Алексее Михайловиче <...> и итог своих дел — это “Житие им самим написанное”: ума проникновенного, воли огненной (конец его — сожгли в срубе!), прошел весь подвиг веры и, стражда, на цепи и в земляной тюрьме долгие годы сидя, не ожесточился на своих гонителей. “Не им было, а бысть же было иным!” А это называется: не только что около своего носа... да с другого и требовать нельзя: жизнь жестокая, осатанеешь! А как написано! Я и помянул-то протопопа “всяя Росии” к слову о его “слове”. Ведь его “вяканье” — “русский природный язык” — и ваш “розановский стиль” одного кореня. Во дни протопопа этот простой “русский природный язык” (со своими оборотами, со своим синтаксисом “сказа”) в противоположность всякой книжно-письменной речи “книжников и фарисеев” в насмешку, конечно, и презрительно называли “вяканьем” (так про собак: лает, вякает), как ваше “розановское” зовется и поныне в академических кругах “юродством”. <...> В русской литературе книжное церковнославянское перехлестнулось книжным же европейским и выпихнулось литературной “классической” речью: Карамзин, Пушкинская проза и т. д., и т. д. (ведь и думали-то они по-французски!) <...> Их синтаксис — “письменный”, “грамматический”, а Ваш и Аввакума — “живой”, “изустный”, “мимический”. Теперь начали это изучать, докапываться в России —

<sup>1</sup> Версты (Париж). 1926. № 1. С. 52.

там книжники и вся казна наша книжная! Но и среди русских, живущих за границей, есть та же дума. Сидит тут, в Париже, Федотов <...>, опять же Сувчинский, глава евразийцев, Петр Петрович, а в этой самой Англии кн. Д. Святополк-Мирский»<sup>1</sup>.

Как видно из статьи «Воистину», к 1926 г. в основных чертах уже сформировалась ремизовская «теория русского лада» и его основанная на анализе языковой базы концепция развития русской литературы от Древней Руси до нового времени. Писатель выделил последовательно проходящую через века традицию следования законам устной «народной речи» — традицию «вяканья», которой была противопоставлена литература, строящаяся на языковом фундаменте, на всех уровнях деформированном иностранными заимствованиями.

В целом все произведения современной литературы, опубликованные в первом номере «Верст», как бы представляли собой иллюстрацию развития «русского лада», аввакумовского «вяканья», продолжающегося по обе стороны границы, искусственно разделившей русскую культуру.

Заключающая журнал «редакция» «Жития» Аввакума базировалась на его издании в первой книге «Памятников истории старообрядчества XVII в.»<sup>2</sup>. Основа ремизовского текста — первая редакция «Жития», дополненная вставками из других редакций. Принцип ремизовской «обработки» древнего памятника — выявление его литературной природы как манифеста «русского лада». В связи с этим в преамбулу к тексту была взята похвала русскому языку из третьей редакции. В целом текст «Жития» оказался сокращенным, что, возможно, было вызвано ограниченностью рамками журнальной публикации. Из второй и третьей редакции в текст добавлены пассажи, демонстрирующие возможности изложения аввакумовским «вяканьем» как «низких», так и «высоких» тем: и бытовых сюжетов, и теологических проблем. Журнал «Версты» вскоре прекратил свое существование, но в своем творчестве Ремизов продолжал постоянно поминать протопопа как одного из «вечных спутников» современной литературы.

<sup>1</sup> Там же. С. 83–84.

<sup>2</sup> Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Изд. Императорской Археографической Комиссии (Оттиск из первой книги Памятников истории старообрядчества XVII в.). Пг., 1916. 254 с.

Сразу же после выхода из печати первого тома «России в письменах» Ремизов стал работать над вторым томом<sup>1</sup>. Он неоднократно упоминал о его существовании в периодических изданиях, в рекламных объявлениях о своих произведениях, в интервью и в переписке с друзьями и издателями. Насколько можно судить по сохранившимся материалам, второй том был подготовлен в конце 1920-х гг. Он был составлен из старых публикаций (оказавшихся вне состава первого тома); из рассказов, написанных и изданных в 1920-е гг., в частности, напечатанных в журнале «Версты»<sup>2</sup>, и из новых текстов. Сохранился план этого тома, условно датируемый концом 20-х гг.:

«Россия в письменах» А. Ремизова / II-ой том

II-ой том «России в письменах», приготовленный к печати, состоит из трех частей: *из документальной, письма и история.*

1) *Документы* — «Парижский клад» (1701—1732); «Купчая» (1742—1746); «Сговорная» (1707); «Россия» — «Указ» (1710), «Паспорт» (1819); «Росия» — «Царская жалованная грамота» (1669), «Писцовая выпись» (1681); «Расея» — «Письмо» (1916); «Путь чист» (XIII в.); «Повольная торговля» (1603); «Выпись с книг игродских замку Луцкого» (1638—1641).

2) *Письма* — «Круг жизни» (1817—1826); «Разорение, общественно случившееся» (Письмо отечественное — 1752—1814); «Жичливая жена» (Письмо хозяйственное — 1783—1835); «Живая жизнь» (Письма Пестелей — 1824—1827); «Философов» (Письма родственников — 1793—1837); «Смоленщина» (Письмо родословное — 1624—1680).

3) *История* — «Северные Афины» (Вологда 1900—1903)<sup>3</sup>.

На основании анализа этого краткого, но полного изложения содержания можно сделать вывод о концепции подготовленной книги. В двух первых частях второго тома «России в письменах» Ремизов как бы соединял воедино развитие офи-

<sup>1</sup> Об истории создания второго тома «России в письменах» см. подробнее с. 913—917 наст. тома.

<sup>2</sup> См.: Росия <sic!>: 1. Царская жалованная грамота 1669 г. 2) Писцовая выпись 1681 г. // Версты. 1926. № 1. С. 52—57; Россия: I. Указ. 1710 г. II. Паспорт. 1819 г. // Версты. 1927. № 2. С. 114—121; Расея (Письмо): 1916 // Версты. 1928. № 3. С. 35—39.

<sup>3</sup> ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 1.

циального бытия государства Российского (часть: «Документы») и частной жизни населяющих его людей (часть: «Письма»). Источники, лежащие в основе рассказов обеих этих частей, свидетельствовали о следовании России путем своего естественного развития. Однако введение третьей части («История») показывало сквозь призму видения недавнего прошлого, чем завершились этапы существования России, о которых говорилось в двух первых частях. Рассказ «Северные Афины» — это повествование о юности тех, кому было суждено в недалекой перспективе перевернуть историю России. Юмористические «некрологи» молодым революционерам, покидающим место ссылки, приобретали отнюдь не шуточное значение в контексте читательского «знания», к каким кровавым страданиям привели Россию в дальнейшем эти молодые юноши и девушки. Завершающее рассказ «Северные Афины» и фактически всю книгу «Россия в письменах-II» описание вечеринки, перерастающей в пьяную оргию, как бы показывало читателю, чем закончилось ранее телеологически закономерное развитие России и какие трагические сломы ожидали «взвихреную» Русь.

Вследствие так и не состоявшейся в конце 20-х гг. публикации готовой книги, Ремизов продолжал работать над ней и дальше, вплоть до своей смерти. После Второй мировой войны и осознания роли, какую сыграл в ней СССР = Россия, писатель отказался от завершения книги иронически-мрачной иллюстрацией грядущего исторического тупика. Сохранившаяся в архиве наборная рукопись Второго тома свидетельствует, что на последнем этапе писатель вернулся к своему первоначальному замыслу, относившемуся еще к 1910-м гг.: «Стал я понемногу старину читать, стал в старине разбираться и затеял по обрывышкам, по никому не нужным записям и полустертым надписям, из мелочей представить нашу Россию. / Из мелочей, из ничего представить Россию, чем жила она и стоит донныне, — вот она, какая затея! / И затее моей конца не видно» (*Россия в письменах-I*. С. 14).

В эмиграции с начала 1930-х гг. и до 1949 г. книги Ремизова на русском языке не издавались. Фактически писатель стал, используя старорусское определение, «немотствующим». После почти двадцатилетнего перерыва была опубликована профинансированная С. Лифарем книга «Пляшущий демон». Ее



появление прервало долголетнее вынужденное молчание, и не случайно посвященное ее выходу программное эссе писателя начиналось со слов:

*Говорит Алексей Ремизов<sup>1</sup>:*

### ПЛЯШУЩИЙ ПЛАМЕННЫЙ ДЕМОН

В первый раз моя русская книга после осмнадцатилетнего мордворота. Этот каторжный срок ни одно русское издательство за границей не осмелилось выпустить мою книгу, потому что, как принято думать, я пишу непонятно и, что звучит совсем не гораздо, пишу не по-русски, а на обезьянском языке. Против моей «герметичности» я ничего не скажу, но обезьянский язык попо́лнкой: «спаси Господи и помилуй...», это уж чересчур. И не иначе как чудесным образом, на манер обновления иконы, появилась моя новая русская книга: «Пляшущий демон. Танец и слово». Paris, 1949.

х х х

Мой демон огня,  
Моя одержимость огнем,  
Моя огненная память —

Что мои глаза видели, и что мне слышалось в веках. Я из дали помню себя и мне, как вчера XI, XVI, XVII и XVIII век.

Душа танца огонь.

Искусство танца — скованный огонь, число и мера, иначе радение, русская метель, океан.

Природа танца сновидение.

Чары сновидений чары танца.

И как сновидение, танец не изобразим, не нарисуешь и не построить пирамиду. Танец подзвучен музыкой и выговаривается словом.

х

Между огнем русских вековых русалий и Московским пожаром (XVI в.) Петербург: «Бесовское действо» (1905—1917).

Алазион, демон радости, вдохновитель танца, с гоголевского Днепра появляется на туманной Неве Достоевского.

В Петербурге Алазион под видом Обезьяньего царя Асыки. И все ему служат и повинуются.

---

<sup>1</sup> Вписано чернилами рукой неустановленного лица.

И сквозь скок Бабы-Яги Лядова — «Пусто место!» — сквозь [итальянскую он говорит мне...] «Ei mi diceva che avgia sfidato»<sup>1</sup> и «Александрю» Кузмина: «кружитесь, кружитесь, держитесь крепче за руки, звуки...» всполохом Кремлевский набат.

Горит Печатный Двор на Никольской: я, последний книгописец, поджег московскую типографию (XVI в.).

х

Первопечатник Иван Федоров — первое печатное русское слово, жизнь, труды и слава: «Острожская Библия», и конец в изгнании — едкая гарь нищеты (XVI в.).

И моя другая встреча — XVII в. Пылающий живой костер в Пустозерске: протопоп Аввакум — его огненная казнь. В срубе пылает первое русское слово на русский лад.

Сердце озябло  
И ноги задрожали.

-----  
«А они, эти учителя правописания, говорят: я, следуя Аввакуму, природному русскому ладу, не по-русски пишу, тупые, кривлятые тяпуши!»  
-----

Петровский вздвиг России: вдолбить в Московскую Русь европейский ум-разум. Наряженный учиться навигацкой науке, я по природному своему любопытству к искусству, я, бывший книгописец XVI в. и знаменщик (рисовальщик) XVII в., угодил не в Голландию, а попал в Италию. Я помню подъем на Миланский Собор к куполу без лесенки по лесам: черный огонь — это жуть упасть, сходя.

И разбойное зеленое раздолье под Москвой с Ванькой Каином (середина XVIII в.). Московский Картуш, разбойник, сыщик и провокатор, поэт и комедиант, последний хранитель в европейской немецко-французской России заветов Аввакума, его природной русской речи.

---

<sup>1</sup> Букв.: «Он говорил мне, что бросил бы вызов...» (*итал.*). Начало итальянского романса «Non m'amava» («Нет, не любил он...», 1886 г., музыка Alfonso Guercia, стихи Ernesto Del Preite), который, с переводом М. Михайловым стихов на русский язык, стал знаменит в России с 1896 г., после его исполнения В. Ф. Коммиссаржевской в драме А. Н. Островского «Бесприданница» (т. наз. «романс Ларисы»: «Он говорит мне — будь ты моею...»).

Демон Алазион, пока играет жизнь на земле и человек грабит человека, ему нет рубежей и сроков в веках.

Однажды в Киеве (XI в.) в весеннюю ночь, зачаровав одного из пляшущего круга, он взвил его жарким волшебным купальским огоньком, а через девять веков в Париже в Оперá, вскрыля, подымет его до пляшущего Икара – взлет к солнцу, серебряное пламя и погарь дерзкой двуногой твари, человека.

И вот Алазион, в личине Китовраса гуляет на Москве.

«С широкой Масленицей! Басалай – лелёха – шуреньбень!»

Ванька Каин затеял под стенами Кремля всенародное игрище собственного сочинения, но не «на край обетованной земли», а швырком в москворецкую прорубь.

«Брось хухню, не морочь шарап!» – последнее в загривок напутственное слово.

Представление кончилось.

Мою память залил белый огонь»<sup>1</sup>.

В тексте эссе не только дан краткий пересказ содержания книги. В нем также четко обозначены две главные темы «Пляшущего демона»: тема «памяти» души творца, вечно пребывающей в бытии, в разные эпохи перевоплощающейся во все новые облики, но сохраняющей воспоминания о своих прежних жизнях; и тема защиты «теории русского лада». Таким образом, и на последнем этапе своего творческого пути Ремизов остался верен тому направлению эстетических поисков, которое было начато им в «России в письменах». 23 февраля 1948 г. он писал своей литературной ученице Н. Кодрянской: «Каждый вечер по грамоте XVI в. Читаю вслух под кукушку <речь идет о часах с кукушкой. – А. Г.>. Так только и можно войти и перенять лад речи. Но надо всякий день, упорно» (*Кодрянская-1977*).

*А. М. Грачева*

---

<sup>1</sup> Ремизов А. М. «Пляшущий, пламенный демон». Авториз. машинопись // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 234. 4 л. Опул.: Говорит Алексей Ремизов. Пламенный демон // Русские новости (Париж). 1949. 30 дек. № 239. С. 6.